

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-151-160

© А. С. Бодрова

ЖУРНАЛИСТ ФИГЛЯРИН И ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ В 1827 ГОДУ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИГРАММЫ Е. А. БАРАТЫНСКОГО И А. С. ПУШКИНА

Во второй половине 1820-х годов эпиграммы оставались не только распространенным явлением литературного быта, но и важным инструментом журнальной полемики, несмотря на развитие критики как специфического института литературы. Публикация эпиграммы в периодическом издании усложняла, а иногда существенно трансформировала ее прагматику: еще одним участником полемической коммуникации так или иначе становился редактор журнала или альманаха, а собственно журнальный контекст и позиция издания могли влиять на направление рецепции и интерпретации текста. Печатная эпиграмма таким образом оказывалась точкой пересечения нескольких «силовых линий» литературного поля, учет которых необходим для адекватной интерпретации таких текстов. Сходная дифференциация важна, как кажется, и в случае коллективных эпиграмм, так как соавторство не обязательно предполагает полное единство литературных позиций.

В настоящей статье мы попытаемся продемонстрировать многоплановость журнального эпиграмматического текста на примере известной, но до сих пор подробно не прокомментированной коллективной эпиграммы Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина, адресованной Ф. В. Булгарину и напечатанной анонимно в майском номере журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф» за 1827 год под заглавием «Журналист Фиглярин и Истина».¹

Он точно, он бесспорно:
Фиглярин-журналист,
Марающий задорно
Свой бестолковый лист!
А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьем наведена,
Занятиям мараки
Пришла мешать она.

Традиционно эту эпиграмму рассматривают в контексте более поздних антибулгаринских выступлений пушкинского круга, как предвестие ожесточенных полемик «литературных аристократов» с издателем «Северной пчелы».² При этом расклад сил собственно 1827 года оказался в меньшей степени отрефлексированным: вне сферы исследовательского внимания остались существенные различия позиций Пушкина и Баратынского по отношению к Булгарину в данный период, а также роль эпиграммы в истории напряженной полемики редактора «Северной пчелы» с издателями «Московского телеграфа».

¹ Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 9. Отд. II. С. 5. Цензурное разрешение 15-й части «Телеграфа» было выдано 5 мая, номер журнала, получивший цензурный билет 6 июня, поступил в продажу 8 июня (см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 179).

² Об этой полемике прежде всего см.: *Гиппиус В. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // *Временник Пушкинской комиссии.* М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 235–255; а также: *Ларионова Е. О.* «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // *Пушкин в прижизненной критике.* СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830. С. 16–25.

Прежде чем реконструировать контексты бытования эпиграммы, суммируем известные обстоятельства ее сочинения.

Как позволяет судить цензурная рукопись девятого номера «Московского телеграфа» и сохранившийся в ее составе автограф стихотворения,³ оно было сочинено совместно Баратынским и Пушкиным: основная запись сделана рукой последнего, но исправления в текст (в стихи 3, 9, 10, 11) вносили оба поэта.⁴ Многочисленные копии эпиграммы, отложившиеся в семейном архиве Баратынских и не содержащие указаний о соавторстве Пушкина,⁵ заставляют предполагать, что участие первого было более значительным, чем отдельные исправления. Совместный автограф был завизирован цензором И. М. Снегиревым, в тот период рассматривавшим «Московский телеграф», а заглавие, перешедшее в печатный текст, вписал на том же листке редактор журнала Полевой — еще один своеобразный соавтор двух поэтов. Время сочинения эпиграммы также определяется с довольно большой точностью: не ранее 4 мая 1827 года, когда в Москве начали продаваться «Сочинения» Булгарина, послужившие поводом для сатирического выпада,⁶ и не позднее 19 мая, когда Пушкин выехал из Москвы в Петербург.⁷

Весна 1827 года — период чрезвычайно активного общения Баратынского и Пушкина⁸ и их (со)участия в московской журнальной жизни, еще не омраченной резким размежеванием литературных групп. Несмотря на эстетические и человеческие разногласия между кругом «Московского вестника», начавшего выходить в январе 1827-го, и редакцией «Московского телеграфа» (как братьями Полевыми, так и П. А. Вяземским⁹), их не самые простые отношения с Пушкиным,¹⁰ это была в целом единая, про-

³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. Л. 49. Цензурная рукопись этого номера «Телеграфа», принадлежавшая московскому коллекционеру В. Г. Данилевскому, была приобретена Пушкинским Домом в 1962 году (*Теребенина Р. Е.* Новые поступления в пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР за 1958–1968 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 114); автограф Пушкина и Баратынского был подробно описан Т. Г. Цявловской, в публикации которой представлен развернутый комментарий к тексту эпиграммы (*Цявловская Т. Г.* Новонайденный автограф Пушкина (Эпиграмма на Булгарина) // Русская литература. 1961. № 1. С. 120–133).

⁴ Там же. С. 121–122. См. также: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 179.

⁵ Наиболее полное их описание: Там же. С. 180. В семейном архиве Баратынских эпиграмма имела иное, несколько варьировавшееся заглавие: «На виньетку, представляющую Автора за письменным столом, а подле него Истину».

⁶ Московские ведомости. 1827. № 36. С. 1450; указано: *Цявловская Т. Г.* Новонайденный автограф Пушкина. С. 127. На авантитуле первого тома была помещена необычная виньетка, значение которой подробно разъяснялось в «Предисловии в лицах», озаглавленном «Истина и сочинитель». Самоотверженному сочинителю, который, задумавшись о цели собственных трудов, приходит к мысли, что он прежде всего стремится к «пользе и удовольствию своих сограждан» и служит истине, является «женщина, прекрасная, как идеал поэзии» — та самая Истина, служитель которой от себя назвал. Сочинитель не сразу узнает ее («Неужели ты... Истина? <...> — Точно так»), но Истина не удивлена этим, потому что редко встречается в «рассеянной светской жизни» и «со времен Сократа <...> ко всем моралистам, поэтам и прозаикам» вынуждена приходиться «не иначе, как в модной светской одежде». Истина готова предстать перед сочинителем в своем настоящем виде, но с условием: «Говори всегда правду, если должно говорить, но умей и молчать, где видишь, что речью своею не можешь принести пользы, или облекай мои советы намеками и украшениями так как я облекаюсь покровами». На этих словах Истина овлекает с себя покровы и, озарив комнату сочинителя ярким светом, исчезает, оставя ему свои полупрозрачные одежды: сочинитель «воспользовался драгоценным подарком: обернул им свои сочинения и представил публике» (*Булгарин Ф.* Соч. СПб., 1827. Т. 1. Ч. 1. С. I–VI).

⁷ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 267.

⁸ Краткую сводку бытовых и литературных фактов см.: *Песков А. М.* Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 249–251, 267–268.

⁹ См. об этом: *Рогов К. Ю.* Из истории учреждения «Московского Вестника» (К проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 106–132.

¹⁰ Об отношениях Пушкина с журналом Полевого в 1826–1827 годах см.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ста-

нищаемая среда, подразумевавшая интенсивные встречи и контакты. В этот период как Пушкин, так и Баратынский равно посещают вечера Полевого и завтраки Погодина, Баратынский отдает свои тексты и в «Московский вестник», и в «Московский телеграф».¹¹ Общение Пушкина и Баратынского, запечатленное в мемуарах пристрастного к ним обоим К. А. Полевого,¹² подтверждается и подчеркивается совместным эпиграмматическим творчеством — в начале марта оба они пишут эпиграммы на А. Н. Муравьева по следам его неловкого поведения в салоне З. А. Волконской («Лук звенит, стрела трепещет...» и «Убог умом, но не убог задором...»),¹³ на завтраке у Погодина 15 мая они вместе импровизируют эпиграмму на князя П. И. Шаликова («Князь Шаликов, газетчик наш печальный...»)¹⁴ и, очевидно, в близкое время сочиняют интересующую нас эпиграмму на Булгарина. Для Пушкина в этот момент важно оказывать поддержку Баратынскому (не случайно чуть позже, летом 1827 года, он будет набрасывать явно комплиментарную рецензию на готовящееся к выходу издание «Стихотворений»¹⁵), и в таком контексте объяснимым выглядит желание присоединиться к выпаду против его «зоила» Булгарина, который за год до описываемых событий напечатал в «Северной пчеле» резкую рецензию на «Эду».¹⁶

Между тем у самого Пушкина весной 1827 года еще не было особенных личных оснований для эпиграмматической критики Булгарина; их заочные отношения были далеки от той агрессивной враждебности, которую они приобрели в полемике о «литературной аристократии» конца 1829-го — 1830-го года.¹⁷

Знакомство Пушкина с Булгариным как с издателем «Литературных листков», где было напечатано стихотворение «Птичка»,¹⁸ состоялось в 1823 году. Февралем 1824-го датируется наиболее раннее известное письмо Пушкина к Булгарину (XIII, 85), в котором поэт отправлял элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и стихотворение «Нереида» для повторной публикации в «Литературных листках», чтобы исправить ошибки, появившиеся в наборе «Полярной звезды на 1823 год» (см.: 2-2, 530 (прим. А. А. Долинина, Н. Г. Охотина, А. И. Роговой), 769 (прим. Е. О. Ларионовой)). Со сходной просьбой Пушкин обратился к Булгарину весной 1825 года, когда захотел печатно уточнить заглавие эпиграммы «Приятелям»,¹⁹ помещенной в «Московском

тъя и комм. В. Орлова. Л., 1934. С. 223–236, 406–410, 422–425; о взаимоотношениях Пушкина с кругом «Московского вестника» см.: *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. С. 54–105.

¹¹ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков, подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998. С. 187–195.

¹² Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 210–215, 233–234.

¹³ Об этом эпизоде см.: *Вацуро В. Э.* Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов (Эпиграмма на А. Н. Муравьева) // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 135–163.

¹⁴ См.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 176–178; Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 6 (в печати).

¹⁵ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 50. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

¹⁶ О самой рецензии Булгарина см. ниже. Пристрастный отзыв Булгарина, повторявший более ранние претензии А. А. Бестужева к поэме Баратынского, вызвал полемический отклик Пушкина — эпиграмму «К Б<аратынскому>» («Стих каждый в повести твоей...»; 1826), написанную, вероятно, по горячим следам, но опубликованную только в начале 1829 года (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1. С. 842–846, прим. А. С. Бодровой; далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами). О внимании Пушкина к рецензии Булгарина свидетельствует и упоминание о «неприличной статейке в Сев<ерной> пчеле», встретившей выход «Эды», в незавершенной заметке 1828 года, которая традиционно печатается под редакторским заглавием «<„Бал“ Баратынского>» (XI, 74).

¹⁷ См. выше, прим. 2.

¹⁸ О цензурных затруднениях при публикации, которые удалось разрешить Булгарину, см.: 2-1, 738 (прим. М. Н. Виролайнен). Краткую сводку фактов, касающихся истории отношений Пушкина с Булгариным, см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 52–53.

¹⁹ Северная пчела. 1825. 30 апр. № 52. С. [3].

телеграфе» под названием «Журнальным приятелям», данным Вяземским.²⁰ На «зубок» «Северной пчеле» Пушкин послал стихотворение «Ч<аадаеву>» («К чему холодные сомненья?..»), увидевшее свет в номере от 27 января (1825. № 12. С. 4; см. также благодарственное письмо Булгарина Пушкину от 25 апреля 1825 года; XIII, 168). В свою очередь, «Северная пчела» в первые годы издания регулярно освещала появление новых сочинений Пушкина и рецензировала их подчеркнуто комплиментарно.²¹

Это, впрочем, не мешало Булгарину — в другой его ипостаси, ипостаси агента III Отделения — отзываться о Пушкине и его ближайших знакомых более чем резко. В записках «Об издателе журнала „Московский вестник“ Михаиле Погодине» (ноябрь 1826 года), «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo» и «Об Арзамасском обществе» (обе предположительно датируются концом 1826 года) Булгарин заочно давал дискредитирующие аттестации как пушкинскому кругу, так и самому поэту: «Пушкин известен — это несчастное существо с огромным талантом служит живым примером, что ум без души есть меч в руках бешеного. Неблагодарность и гордость — две отличительные черты его характера».²² Кроме того, Булгарину, по всей видимости, принадлежали «Замечания на Комедию о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»,²³ составленные 9–13 декабря 1826 года, на основании которых последовала высочайшая резолюция, на несколько лет отдалившая публикацию «Бориса Годунова».²⁴

Однако в 1827-м эти обстоятельства не были публично известны²⁵ и не отразились на истории личного знакомства Пушкина с Булгариным, которое состоялось уже после приезда Пушкина в Петербург 27 мая 1827 года,²⁶ т. е. после создания интересующей нас эпиграммы, и, видимо, не сразу.

Первоначально враждебное отношение к издателю «Северной пчелы» петербургские литературные знакомые Пушкина не без основания связывали с влиянием ближайших московских собеседников поэта — Вяземского, Баратынского, Соболевского. Так, в письме от 12 июня 1827 года П. П. Свиньин сообщал А. И. Михайловскому-Данилевскому, что Пушкин у него на обеде «открыто воевал против Булгарина, вероятно, по убеждению Вяземского»,²⁷ а сам Пушкин в письме А. А. Дельвигу от 31 июля 1827 года настоятельно не советовал печатать в «Северных цветах» булгаринский мемуарный очерк «Вечер у Карамзина»: «Ей богу не прилично. Конечно вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее» (XIII, 334–335). Тем не менее поздней осенью 1827 года Пушкин начал поддерживать с Булгариным светские отношения: 21 ноября обедал у него вместе

²⁰ Подробнее см.: 3-1, 640 (прим. А. С. Бодровой). Ср. также более позднюю историю повторной уточняющей публикации отрывка «Москва (Из «Евгения Онегина»)» в «Северной пчеле» в начале февраля 1828 года (об этом эпизоде см.: *Рогов К. Ю.* (Не)известная эпиграмма Пушкина: К творческой истории VII главы «Евгения Онегина» // *Лотмановский сборник. М., 2004. Вып. 3. С. 196–199.*

²¹ См.: *Столлянский П. Н.* Пушкин и «Северная пчела» // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19–20. С. 130–141;* тексты отзывов «Пчелы» о произведениях Пушкина см.: *Столлянский П. Н.* Пушкин и «Северная пчела» (1825–1837) // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23–24. С. 127–194;* Пушкин в прижизненной критике. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. [Вып. 1]. 1820–1827 (по указ.); [Вып. 3]. 1828–1830 (по указ.).

²² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 88; тексты записок см.: Там же. С. 88–89, 104–111, 113–114.

²³ Там же. С. 91–99.

²⁴ Об этом эпизоде подробнее в комментариях Л. М. Лотман: 7, 582–585; а также: *Пушкин А. С.* Соч. Комментированное издание / Под общ. ред. Д. Бетеа. М., 2008. Вып. 2. Борис Годунов. С. 127–130.

²⁵ О формировании репутации Булгарина см.: *Рейтблат А. И.* Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М., 2016. С. 10–40.

²⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 268.

²⁷ Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // *Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 67.*

с Дельвигом,²⁸ за что Пушкину выговаривал Вяземский: «Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина?» (ХІІІ, 348; письмо от 22 ноября), 24 и 26 ноября Пушкин встречался с Булгариным у Дельвига, в конце декабря присутствовал на обеде, данном Булгариным в честь приехавшего в Петербург М. П. Погодина, 8 января 1828-го посетил завтрак у Булгарина.²⁹ О расположении Пушкина, вопреки «правилам Сектатора Вяземского», Булгарин писал 6 января 1828 года В. А. Ушакову: «...я познакомился с Пушкиным. Другой человек как мне его описывали и каковым он был прежде в самом деле. Скромнен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе. Гусары испортили его в Лицее, Москва подбаловала, а несчастья и тихая здешняя жизнь его образумили».³⁰ Таким образом, участие Пушкина в сочинении эпиграммы, оставшееся для Булгарина анонимным и не повлиявшее на историю их публичных отношений 1827–1828 годов, оказывалось в большей степени данью московскому окружению и текущей журнальной полемике, чем принципиальным жестом.

Иное значение эпиграмма имела для Баратынского, которого с издателем «Северной пчелы» связывало более давнее знакомство, а также сложные литературные и личные счеты. Общение Баратынского с Булгариным началось весной 1821 года, когда они оба были избраны действительными членами Вольного общества любителей российской словесности.³¹ Они вместе присутствовали на собраниях ВОЛРС 16, 23, 31 мая, 13 июня, 1 августа, 12 сентября и 14 ноября 1821 года,³² а также 17 апреля 1822 года.³³ Как следует из записи в дневнике О. М. Сомова, общение не ограничивалось только официальными собраниями — так, после заседания 13 июня 1821 года большая компания литераторов, в составе которой был и Баратынский, отправилась к Булгарину на чай.³⁴ Поэтическим свидетельством этого общения стало послание, адресованное Булгарину — «Нет, нет, Булгарин! ты не прав...».³⁵ В марте 1824 года издатель «Литературных листков» (№ 5. Март. С. 194–195) комплиментарно анонсировал скорый выход собрания стихотворений Баратынского, которое собирались выпускать К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев.³⁶

Перелом в отношениях произошел летом–осенью 1824 года после серьезной ссоры Дельвига с Булгариным в присутствии Баратынского³⁷ и публикации в «Литературных листках» памфлета «Литературные призраки» (1824. № 16. Август. С. 93–113), грубо задевавшего Дельвига и Баратынского, выведенных под именами Лентяева и Неучинского. Эта выходка Булгарина, подхватывавшая обвинения в безразличности, невежестве и легкомыслии, которые им уже печатно предъявляли литераторы круга «Благонамеренного» (А. Е. Измайлов, Б. М. Федоров, Н. Ф. Остолопов), была

²⁸ См. запись в дневнике К. С. Сербиновича под этой датой и записку Пушкина к Булгарину (ХІІІ, 346); уточнение датировки см.: Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича / Публ. [и прим.] В. Нечаевой // Лит. наследство. Т. 58. С. 256; см. также: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 320–321.

²⁹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 322–323, 334, 338.

³⁰ Цит. по: Там же. С. 337–338. О неконфликтных отношениях Пушкина с Булгариным в этот период см.: Ларионова Е. О. «Услышишь суд глушца...». С. 16–17.

³¹ На заседании 28 марта 1821 года Баратынский был переведен в действительные члены Общества из членов-корреспондентов, а Булгарин избран за представленные произведения (см.: ИРЛИ. Ф. 58. № 27. Л. 82 об. — 83, 85–85 об.; Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 443–444).

³² ИРЛИ. Ф. 58. № 94. Л. 86 об., 87, 87 об., 88, 88 об. — 89, 90 об.

³³ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 415.

³⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 108.

³⁵ Впервые: Сын отечества. 1821. Ч. 70. № 24. С. 175–177 (номер датирован 11 июня); позднейшие редакции, из которых имя Булгарина было убрано, см.: Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 218–219, 220–222. См. здесь же (С. 427–428) краткую сводку основных фактов истории раннего общения Баратынского с Булгариным (прим. И. А. Пильщикова, А. И. Федуты).

³⁶ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 137; проект издания не состоялся.

³⁷ См.: Там же. С. 139; Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 28–29.

особенно неприятна для Баратынского на фоне очередного отказа в производстве в офицерский чин после ходатайств, поданных через А. Н. Голицына, министра народного просвещения и духовных дел, в первой половине 1824 года.³⁸ И если Дельвиг впоследствии восстановил отношения с Булгариным, то Баратынский своего мнения о нем не переменил и высказывался о Булгарине — и публично, и в частной переписке — исключительно враждебно. Так, в начале 1825 года, хваля в письме к В. К. Кюхельбекеру его возражение на статью Булгарина,³⁹ Баратынский отмечал, что Булгарин отвечал на критику издателя «Мнемозины» «глупо и лицемерно».⁴⁰ В письме к Н. В. Путьате от 19 января 1826 года, реагируя на замечания их общего гельсингфорского знакомого П. Г. Буткова, «нежного обожателя Ф. В. Булгарина», поэт посылал едкую эпиграмму «В своих листах душонкой ты кривишь...»,⁴¹ направленную против последнего.

Булгарин, хотя и постарался сгладить скандальное впечатление от «Литературных призраков» и помириться с задетыми им знакомыми,⁴² о текстах Баратынского продолжал высказываться двойственно, сочетая с обобщенными комплиментами довольно резкую критику. Так, в сериальном фельетоне «Сына отечества» «Письма на Кавказ», посвященном обозрению литературных новинок начала 1825 года, рецензенты (по общему убеждению современников и исследователей, Булгарин и Греч), скрывшиеся под криптонимами «Ж. К.» и «Д. Р. К.»,⁴³ подвергали решительному сомнению высокие оценки элегического таланта Баратынского, данные Плетневым в известном «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах», а также прямо ругали «Историю кокетства» — прозаическую аллегорию Баратынского, напечатанную, как и статья Плетнева, в «Северных цветах» на 1825 год.⁴⁴ В более ранней рецензии «Северной пчелы», подписанной именем Греча,⁴⁵ была также раскритикована «История кокетства», однако стихотворная часть альманаха оценена весьма высоко, а сам отзыв завершился обширной цитатой из стихотворения Баратынского «Звездочка». Сходная двойственность отличала и «Письма на Кавказ» — в их окончании стихи Баратынского и отрывки из «Эды» были названы отмеченными «огнем Поэзии».⁴⁶

Новое обострение литературных отношений Булгарина и Баратынского произошло в феврале 1826 года, когда Булгарин поместил в «Северной пчеле» — за собственной подписью — обидный и резкий отзыв об «Эде»,⁴⁷ только что вышедшей отдельной книжкой вместе с поэмой «Пирь», а Баратынский отдал в «Московский телеграф» еще одну свою антибулгаринскую эпиграмму — «Что ни толкуй, а я великий муж...».⁴⁸

³⁸ См.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 137, 145.

³⁹ *Кюхельбекер В. К.* Разговор с Ф. В. Булгариным // *Мнемозина*. М., 1824. Ч. 3. С. 157–177.

⁴⁰ Цит. по: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 149.

⁴¹ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 154.

⁴² *Вацуру В. Э.* «Северные цветы». С. 38.

⁴³ Об истории атрибуции «Писем на Кавказ» и расшифровки псевдонимов см.: *Флейшман Л. С.* Из истории элегии в пушкинскую эпоху [1968] // Флейшман Л. С. От Пушкина к Пастернаку. Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 25–26; Пушкин в прижизненной критике. [Вып. 1]. 1820–1827. С. 430–431 (прим. Е. В. Лудиловой).

⁴⁴ См.: *Сын отечества*. 1825. Ч. 99. № 2. С. 207–209; № 3. С. 302. О полемике вокруг статьи Плетнева см.: *Вацуру В. Э.* «Северные цветы». С. 38–43.

⁴⁵ *Северная пчела*. 1825. 6 янв. № 3. С. 1–3.

⁴⁶ *Сын отечества*. 1825. Ч. 99. № 3. С. 318; Ч. 101. № 10. С. 201.

⁴⁷ Ср.: «В повести „Эда“ описания зимы, весны, гор и лесов Финляндии прекрасны. Но в целом повествование нет той пиитической, возвышенной, пленительной простоты, которой мы удивляемся в „Кавказском пленнике“, „Цыганах“ и „Бахчисарайском фонтане“ А. С. Пушкина. <...> Чувство любви представлено также не в возвышенном виде, и предмет поэмы вовсе не пиитический. <...> Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Даже в прозе повесть сия не увлекла бы читателя заманчивостью <...>. Скучность предмета имела действие и на образ изложения: стихи, язык — в этой поэме не отличные» (*Северная пчела*. 1826. 16 февр. № 20. С. 1–2).

⁴⁸ *Московский телеграф*. 1826. Ч. 7. № 2. Отд. II. С. 60. Номер получил цензурный билет 18 февраля (ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 7; справка А. И. Мартыненко) и поступил в продажу около 20 февраля (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 155).

Судя по хронологии публикаций, эпиграмма не была написана как непосредственный ответ на рецензию «Северной пчелы», но вполне могла быть интерпретирована в таком качестве. Более того, печатая эпиграмму в журнале Полевого, Баратынский вступал на путь публичной полемики с Булгариным, присоединяясь — на стороне «Телеграфа» — к оживленной медийной борьбе с изданиями Булгарина и Греча, под знаком которой проходили первые годы существования «Северной пчелы» и «Московского телеграфа».⁴⁹

В этом смысле показательно, что критика Булгарина на первую книгу Баратынского вскоре вызвала возражение на страницах журнала Полевого. В подробной и чрезвычайно комплиментарной рецензии, вероятнее всего написанной издателем «Телеграфа»,⁵⁰ отводились и опровергались все претензии «Северной пчелы» как к содержанию, так и к стиху «Эды», а сам Баратынский удостоивался более чем лестных характеристик, в которых можно видеть скрытый ответ на иронические сомнения в его таланте, высказанные в «Письмах на Кавказ». Для Полевого в этот период Баратынский был одним из важнейших вкладчиков и литературных союзников,⁵¹ особенно ценимым на фоне охлаждения отношений с Пушкиным. Редактор «Телеграфа» видел в Баратынском крупнейшего русского романтического поэта и пропагандировал его творчество на страницах своего журнала: активно публиковал его тексты, помещал комплиментарные отзывы на его произведения и, наконец, взял на себя издательскую подготовку «Стихотворений Евгения Баратынского», которые в марте 1827 года поэт решил печатать в Москве, а не в Петербурге.

Булгарин, в свою очередь, оставался общим литературным недругом как для Баратынского, так и для редактора «Московского телеграфа», не пожелавшего отказаться от собственного предприятия в пользу сотрудничества в «Северной пчеле».⁵² Poleмику с петербургскими изданиями на страницах журнала поддерживал и Вяземский, давний журнальный противник Булгарина,⁵³ игравший заметную роль в литературной политике «Московского телеграфа» в первые годы его существования. На рубеже 1826–1827 годов нападки на булгаринские издания, прежде всего «Северную пчелу», и полемика с ее мнениями регулярно заполняли разделы «Критика», «Библиография», «Современные летописи».⁵⁴

⁴⁹ О полемике «Московского телеграфа» с изданиями Булгарина и Греча в 1825–1827 годах см.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 168–170, 398–401; *Хмелецкая Л. А.* Журнал «Московский телеграф». Дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. Т. 1. С. 104–117; а также специальную статью: *Селезнев М. Б.* Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. Сб. статей. М., 2019. С. 294–312.

⁵⁰ Московский телеграф. 1826. Ч. 8. № 5. Отд. I. С. 62–76.

⁵¹ О роли «Московского телеграфа» в укреплении репутации Баратынского в 1825–1827 годах и отношениях с братьями Полевыми см.: *Мартыненко А. И.* Е. А. Баратынский в журнале «Московский Телеграф» // Мурановские чтения — 2016: Материалы научных конференций 3–4 марта и 1–2 декабря 2016 года. М., 2016. С. 54–64.

⁵² Об этом эпизоде см. в воспоминаниях К. А. Полевого: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 152–153; а также в комментариях В. Э. Вацура к публикации письма Булгарина Полевому от 27 октября 1824 года: *Вацура В. Э.* Страничка из жизни Грибоедова (Неизданные письма Ф. В. Булгарина к Н. А. Полевому) // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 167–172, 175–176.

⁵³ См. журнальный спор вокруг булгаринского «Краткого обозрения русской литературы 1822 года»; полемику об И. И. Дмитриеве и И. А. Крылове, разгоревшуюся после выхода «Стихотворений» И. И. Дмитриева (СПб., 1823), сопровождавшихся статьей Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева»; дискуссию о романтизме, вызванную предисловием Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», в рамках которой следует рассматривать и программную статью Вяземского «Жуковский. — Пушкин. — О новой поэтике басен» (подробнее см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 301–308; *Гиллельсон М. И. П. А.* Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 44, 83–84).

⁵⁴ Перечень полемических публикаций см., например: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 398–401; *Селезнев М. Б.* Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах. С. 297–307.

В таком контексте появление в «Телеграфе» острой эпиграммы, высмеивающей только что вышедший первый том «Сочинений» редактора «Пчелы», выглядит продолжением этих медийных споров. На внутрижурнальную полемическую контекстуализацию работает и анонимность эпиграммы, которая могла восприниматься как редакционное высказывание, и использование пародийно-сатирического именованного Булгарина Фигляриным, пущенного в ход Вяземским в его куплетах «Семь пятниц на неделе»: «Устроив флюгер из пера, / Иной так пишет, как подует; / У тех, на коих врал вчера, / Сегодня ножки он целует. / Флюгарин, иль Фиглярин, тот / Набил уж руку в этом деле; / Он и семь совестей сочтет, / Да и семь пятниц на неделе», — которые были процитированы в предыдущем номере «Телеграфа», в той части анонимной статьи «Журналистика», где шла речь об изданиях Булгарина и Греча и непоследовательности их критических оценок.⁵⁵ В обрисовке образа журналиста-сочинителя эпиграмма Баратынского и Пушкина была также близка характеристикам Булгарина, которые давались ему на страницах «Телеграфа»: он «журнальный враль», «марака», легко меняющий мнения, но пытающийся выставить себя поборником Истины.

Хлесткая эпиграмма, печатно зафиксировавшая раннюю репутацию Булгарина-Фиглярина,⁵⁶ на первый взгляд, должна была бы вызвать острую реакцию адресата и новую волну полемики. Парадоксально, однако, что этот текст, напротив, оказался связан с историей журнального примирения Булгарина с Полевым, окончанием «войны» между «Пчелой» и «Телеграфом», приведшим затем к существенной реконфигурации литературных сил.⁵⁷

Собственно, первый шаг к замирению с издателем «Московского телеграфа» предпринял сам Булгарин, решивший в качестве дружественного жеста послать Полевому только что вышедший экземпляр своих сочинений. 30 апреля 1827 года Булгарин писал ему в своем «первом письме от начала „Телеграфа“», напоминая о прежнем петербургском знакомстве: «Не журналисту, врагу моему непримиримому, критику неумолимому, но литератору Н. А. Полевому, который бывал у меня в доме и которого я полюбил в Петербурге, — посылаю мой экземпляр и прошу поставить в скромный уголок своей библиотеки, обругавши сперва порядочно».⁵⁸ Соблазнительно предположить, что именно этот «подарочный» экземпляр, полученный Полевым у книгопродавца Ширяева, попался на глаза Баратынскому и Пушкину на «вечеринке» у Полевого и, по иронии судьбы, послужил поводом к сочинению язвительной эпиграммы. С другой стороны, в свете письма Булгарина даже такой сатирический текст оказывался санкционированной и ожидаемой самим автором «порядочной руганью».

Публикация эпиграммы, замеченная Булгариним (см. ниже), тем не менее не изменила его миролюбивого настроения. В августе 1827 года, когда Полевой приезжал в Петербург, Булгарин встречался с ним — на обеде у Свиньина и на новоселье у Сомова — и проявлял внешнюю доброжелательность. Как резюмировал свои впечатления Свиньин в письме А. И. Михайловскому-Данилевскому от 30 августа: «У меня вчера было примирение петербургских журналистов с московскими, но вряд ли чистосер-

⁵⁵ Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 8. Отд. II. С. 196; переключка отмечена: *Цявловская Т. Г.* Новонайденный автограф Пушкина. С. 124.

⁵⁶ Об эпиграммах как индикаторе литературной репутации Булгарина см.: *Селезнев М. Б.* Роль эпиграммы в создании «булгаринского мифа» // *Вестник Челябинского гос. ун-та.* 2004. Т. 2. № 1. С. 48–56.

⁵⁷ Любопытно, что сходную роль — «повода к прекращению развязавшихся было боевых действий и к установлению перемирия» — в истории полемики «Московского телеграфа» с журналом А. Е. Измайлова «Благонамеренный» сыграла публикация в журнале Полевого хлесткой эпиграммы Пушкина «*Ex ungue leonem*» (см.: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 280–288).

⁵⁸ *Вацуро В. Э.* Страничка из жизни Грибоедова. С. 177. Этот эпизод был памятен и Ксенофонту Полевому, который, однако, в своих мемуарах отнес его к лету 1827 года (Николай Полевой: *Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов.* С. 270–271, 442–444). В исследовательской традиции закрепилась неверная, более поздняя датировка этого письма, из-за чего весь эпизод замирения литераторов часто относится ко второй половине 1827 года (ср., например: *Ларионова Е. О.* «Услышишь суд глупца...». С. 14–15).

дечное. Обедали Пушкин, Полевой, Греч, Булгарин, Крылов и проч. здешние и наезжие литераторы. Много шумели и читали острого и забавного...».⁵⁹ Своему приятелю В. А. Ушакову Булгарин, впрочем, впоследствии рассказывал, что «от роду с ним [Полевым] не мирился» и что они «выделись <...> у Свинына и Сомова⁶⁰ и говорили вежливо о посторонних предметах». Учитывая позднейшие события, заверения издателя «Северной пчелы» не стоит принимать на веру, тем более что в этом письме он оправдывался перед Ушаковым, удивлявшимся слухам о том, что Булгарин «почитает Полевого умнейшим и честнейшим человеком».⁶¹

Приезд Полевого в Петербург и установка на «замирение» с Булгариным позволяют предположить, что авторство недавней анонимной эпиграммы на Фиглярина журналиста могло быть раскрыто, причем, вероятно, с умолчанием об участии Пушкина. По крайней мере, Булгарин печатно называл ее сочинителем одного Баратынского, по отношению к которому он продолжил играть ту же «благородную» роль, обозначенную в апрельском письме к Полевому. Рецензируя сборник Баратынского 1827 года, изданный при участии Полевого, Булгарин отозвался о «Стихотворениях» и их авторе чрезвычайно благосклонно.⁶²

Примечательно, что положительная рецензия подавалась Булгариным отчасти как полемический ответ на интересующую нас эпиграмму. Хвала «Стихотворения» по достоинству, Булгарин подчеркивал, с одной стороны, свою беспристрастность и приверженность Истине и, с другой, — необоснованность эпиграмматических обвинений: «Не всякий журналист удостоился стольких сатир, эпиграмм и критик в разных видах, как аз грешный! И верно ни один из моей собратии так мало не гневался за них, как я. <...> Напротив, если сатира или эпиграмма написана остроумно — я первый утешаюсь ими потому, что имею о них мое собственное мнение. Я думаю, что если сатира или эпиграмма заключают в себе правду — надобно исправиться; если в них один вымысел, то они идут мимо; если стихи хороши и завязка замысловата, то сатира или эпиграмма, переменяя цель и применяясь в течение времени к разным лицам, доходят до потомства, как сатиры Марциала, Персия, Ювенала, Боало. Сатиры и эпиграммы имеют то же действие, что стрельба в сражении: метят в одного, а попадают в другого. <...> Здоровый не боится лекаря, ни аптеки. — Долг платежом красен. Как аукнется, так и откликнется. Писал я критики, писали и противу меня. Наконец, попались и вы, любезный Поэт, в мои руки. Давным-давно вострил я на вас критическое мое перышко: давно поджидал выход в свет ваших стихотворений. <...>. Прочел раз, прочел другой — и критическое перо полетело под стол. Честь вам и слава, г. Поэт! Вы победили меня звуками своей лиры! Вы сделали пародию в стихах, из предисловия к моим Сочинениям: Истина и Автор. Теперь вы удостоверитесь, что я точно так поступаю, как сказал:

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 101. Л. 7 об. — 8; Лит. наследство. Т. 58. С. 68 (публикаторы отмечали неточность Свинына: Пушкин не мог присутствовать на этом обеде, так как с конца июля 1827 года находился в Михайловском, однако дата письма сомнению не подлежит, учитывая другие свидетельства). Тот же обед у Свинына описывал в записке в III Отделение и сам Булгарин, датируя его воскресеньем, 28 августа, а также упоминал в дневнике Б. М. Федоров (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 205–206).

⁶⁰ «Вечеринка, данная Сомовым 31 августа, по случаю новоселья», в красках описана в той же агентурной записке (Там же); примечательно, что в ней Булгарин особенно подчеркивает неблагонадежность, «резкие черты» и «дух строптивости» Полевого, разительно отличающегося, по мнению осведомителя, от петербургских литераторов. Попытка «журнального» примирения с Полевым не мешала Булгарину регулярно сообщать в III Отделение о чрезмерном либерализме и «дерзости» издателя «Московского телеграфа» и его сотрудинок — прежде всего Вяземского («записки» о Полевом 1827 года см.: Там же. С. 192–199).

⁶¹ Письмо Булгарина от 6 января 1828 года см.: Русская старина. 1909. № 11. С. 351–352.

⁶² Северная пчела. 1827. 3 дек. № 145. С. 1–3; 6 дек. № 146. С. 1–3; 8 дек. № 147; подпись: Ф. Б. Характерно, что при этом Булгарин не упустил случая похвалить издателя сборника и открытую им книжную лавку: «При сем долгом поставляем уведомить наших читателей, что Издатель „Московского Телеграфа“, г. Полевой, завел в Москве <...> книжную лавку. Он берет с авторов за комиссию только по 10 процентов (вместо 20, получаемых другими книгопродавцами). Спасибо! Предприятие полезное, намерение похвальное. Желаем успеха от искреннего сердца» (Там же. 3 дек. № 145. С. 1).

могу, как человек, ошибаться, но никогда с умыслом не отступаю от истины и не следуя внушению страстей — в общем деле».⁶³ С другой стороны, Булгарин пытался напомнить Баратынскому об их давних приятельских отношениях, запечатленных в послании 1821 года («Из посланий лучшие к Н. И. Гнедичу, к Дельвигу <...> и ко мне. <...> имя мое было даже в стихе»), а нынешнюю неблагоклонность и сатирические выпады Баратынского объяснял влиянием враждебных московских журналистов: «По переселении Поэта в Москву он стал писать ко мне послания другого рода <...> советую Поэту более следовать внушению своего гения, нежели внушениям Журнальных сыщиков».⁶⁴

Рецензия Булгарина, таким образом, была нарочитым примирительным жестом, предлагавшим отказ от недавней журнальной полемики, на которой Баратынский, однако, не купился, — его позиция по отношению к издателю «Северной пчелы» осталась неизменной, как и литературная солидарность с Вяземским.⁶⁵

В отличие от Баратынского, Полевой, напротив, предпринял несколько публичных шагов навстречу издателям «Северной пчелы» и «Сына отечества».⁶⁶ Так, в последней декабрьской книжке «Телеграфа» на 1827 год появилась издательская рецензия на первые два тома «Сочинений Фаддея Булгарина» — рецензия, скорее снисходительная и комплиментарная.⁶⁷ В этом отклике хотя и замалчивалась опубликованная в июне эпиграмма («До сих пор не было известия в „Телеграфе“ о сей книге, и, кажется, некоторые литераторы растолковали молчание „Телеграфа“ в невыгодную сторону...»), но при этом упоминалось «предисловие в лицах (Истина и Сочинитель)», послужившее поводом для эпиграммы Баратынского и Пушкина («многие находят слишком тяжело-весным для небольшого собрания небольших статей»). Тем не менее акцент в этой декабрьской рецензии Полевой расставлял по-новому, декларируя установку на примирение с Булгариным и «хладнокровное беспристрастие».

Таким образом, история публикации и рецензии эпиграммы Баратынского и Пушкина, вышедшей из сферы литературного быта в публичное, журнальное поле, отразила переломный эпизод в истории сложных отношений «Московского телеграфа» с «Северной пчелой» и «Сыном отечества»: появление эпиграммы на страницах журнала Полевого было связано с предшествующей медийной полемикой, однако впоследствии она была реинтерпретирована Булгариным в перспективе новых установок на тактическое примирение петербургского и московского изданий. Но если Полевой предпослал воспользоваться публичными жестами Булгарина для создания нового журнального альянса, то Баратынского этот эпизод лишь укрепил в прежней, антибулгаринской позиции и наметил контуры будущего расхождения с «Московским телеграфом» и его издателем.

⁶³ Там же. 3 дек. № 145. С. 1–2.

⁶⁴ Там же. 8 дек. № 147. С. 1–2. «Журнальный сыщик» — известный псевдоним Вяземского. О послании Баратынского к Булгарину см. прим. 35.

⁶⁵ Характерно, что наиболее резкие характеристики Булгарину и его сочинениям Баратынский в конце 1820-х годов давал именно в письмах к Вяземскому — см. отзыв о выпаде «Северной пчелы» против опального А. П. Ермолова в письме от конца апреля 1828-го (Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 208; комментарий к этому эпизоду см.: Бодрова А. С. Туркманчайский мир и околосредневековые войны: О некоторых контекстах письма Баратынского к Вяземскому // *Studia Slavica*: Сб. науч. трудов молодых филологов. Таллинн, 2007. Вып. 7. С. 52–62), отклики на «Ивана Выжигина» в письмах к Вяземскому от начала апреля и мая 1829 года (Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 222–223, 224). Выход «Выжигина» послужил поводом к созданию еще одной эпиграммы Баратынского на Булгарина — «Поверьте мне — Фиглярин моралист...» (апрель 1829; эпиграмма была опубликована вместе с пушкинской «<На Булгарина>» («Не то беда, Авдей Флюгарин...»; 1830) в альманахе М. А. Максимовича «Денница» на 1831 год — см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 227–228). По осторожному предположению М. Л. Гофмана, поддержанному А. М. Песковым, Булгарину была адресована и эпиграмма «Так, он ленивец, он негодник...», отнесенная в новейшем издании к весне 1830 года (Там же. С. 251–252).

⁶⁶ Об обстоятельствах примирения Булгарина с Полевым см. также: *Селезнев М. Б.* Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах. С. 307–311.

⁶⁷ Московский телеграф. 1827. Ч. 18. № 24. Отд. I. С. 312–315.